

Астра / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Астра / рассказ АСТРА

На рассвете гроза, наконец, стихла. Верховой ветер сдувал над теснинами Боомского ущелья остатки туч и гнал их на восток, к заоблачным хребтам Тянь-Шаня, за которыми начинается Китай. Над Иссык-Кулем то тут, то там открывались голубые окна, сквозь них пробивались ослепительные столбы света, окрашивая озеро в ультрамарин.

Нагретый воздух постепенно оттеснял облака с Кунгей Ала-Тоо. Освещенные солнцем, его вершины становились такими близкими, что, казалось, протяни руку – и можно дотронуться до них.

Наслаждаясь свежестью и уютом утра, Сергей Северцев долго не отрывал взгляда от этого горного пейзажа, представляя себе, как сейчас там, за хребтом Кунгея, на джайлоо, среди кочевых юрт поднимаются вверх над каменными очагами синие струйки пряных кизячных дымков, женщины доят кобылиц, на ближних склонах рассыпались пасущиеся овцы, издали похожие на белесые каменные валуны.

В чистом воздухе отчетливо слышался гул автотрассы, село наполнялось гомоном голосов. Шайлоо и Нургуль Бакаевы, у которых Северцев снял комнату, встали как всегда спозаранку и хлопотали по хозяйству. Их дом находился в конце проулка со странным названием Коммунистический тупик и, не выделяясь богатством, был, однако, знаменит большим садом, который вырастил сам хозяин дома – дипломированный биолог и садовод-любитель. Плоды его питомцев поражали необыкновенным вкусом и изобилием.

В этом приютившем его на время доме Сергей поначалу чувствовал себя скованно, но ненавязчивое гостеприимство хозяев помогло ему быстро освоиться. Он узнал, что старший сын и дочь Бакаевых живут в Бишкеке, а младший несет солдатскую службу неподалеку – в Балыкчи. Был в семье еще один ребенок, да погиб в малом возрасте, попав под машину.

...Погода совсем разгулялась, и Северцев поспешил на пляж. Иссык-Куль как всегда был великолепен и подарил ему еще один радостный день.

Немного усталый от жаркого солнца и плавания, он вернулся только вечером. В саду Бакаевых незнакомая молодая женщина хозяйски поливала цветы.

«Наверное, дочь приехала», – подумал Северцев.

Не прекращая работы, женщина бросила на него выжидающий взгляд.

– Здравствуйте, меня зовут Сергеем, я у вас живу...

Она улыбнулась, поздоровалась, но назвать себя не успела. Из открытого окна кухни раздался голос матери:

– Астра!

По тому, как откликнулась женщина, Северцев понял, что Астра – это и есть ее имя.

В тот же вечер он осторожно выведал, что такое необычное имя дал своей дочери сам Шайлоо и, похоже, сделал удачный выбор. Астры – яркие, чистых тонов цветы были настоящим украшением его сада.

Думая так, Сергей тогда еще не знал, какой драгоценный подарок ему преподнес Его Величество Случай.

В первые дни Астра редко выходила из своей комнаты и при случайных встречах уделяла Сергею ровно столько внимания, сколько нужно для вежливого приветствия. Такое равнодушие смущало его и даже вызывало легкую досаду.

Как-то утром, делая на пустом еще пляже зарядку, он вдруг увидел ее. Астра сняла пляжный халатик и, раскинув руки, повернулась лицом к солнцу. Сергей нерешительно подошел к ней.

– Наконец-то и вы удостоили своим посещением эти берега, – сказал он вместо приветствия. Фраза прозвучала напыщенно и даже вызывающе, хотя Сергей вовсе не хотел этого.

Она приняла вызов с легкой усмешкой и ответила в тон ему:

– Просто скучно здесь быть одной. А приглашением никто до сих пор не удостоил.

Сергей пробормотал какие-то извинения и пообещал исправить свою оплошность.

В этот день они пробыли на пляже целых два часа. Сергей

украдкой поглядывал на Астру, боясь, что его взгляды могут быть неправильно истолкованы. Какая-то сила влекла его к ней и страстно впечатывала в потайную память души все черты ее внешности: и черный бутон волос, изящно схваченных алой лентой; и тонкие брови, косо распахнутые, как ласточкины крылья; и чарующее притяжение больших сияющих глаз; и милые вертикальные складочки в уголках рта; и нежный овал лица с чуть выступающими скулами; и острые бугорки девичьих грудей под легким купальником; и округлость еще не развившихся бедер... «Откуда у этой девчонки, – думал он, – такая царственная стать, гордая осанка и грация? У каких племен и поколений сородичей отбирал Создатель лучшие гены и наконец соединил их в такой прелестной комбинации?»

Теперь они всегда вместе ходили на пляж, сокращая путь по тропинке через кусты облепихи. И каждый раз Сергей испытывал непреодолимое желание дотронуться до нее. Однажды кончики его пальцев как бы случайно скользнули по ее кисти. Она чуть помедлила – и сразу вся ладошка утонула в его руке. Астра попыталась вырваться, но напрасно.

– Да пусти...те, же, что вы вцепились? – прерывающимся от усилий и возмущения голосом потребовала она.

Сергей молчал. Кольца каштановых волос рассыпались по его вспотевшему лбу. Он испытывал огромное напряжение и едва владел собой. Положение становилось трагикомическим, и Астра вдруг рассмеялась.

– Может быть, синьор кавалер объяснит, наконец, что все это значит?

Ее ирония немного остудила Сергея и к нему вернулся дар речи.

– Это значит, что вы мне нравитесь.

– Вот как? И вы решили таким образом доказать мне это?

– Простите, ради Бога. И в самом деле вышло как-то по-детски. Но я не шучу – вы мне действительно нравитесь. Впрочем, если моя рука вам так неприятна, я отпускаю вас.

– Скажите, вы со всеми так быстро заводите романы? Мы ведь знакомы всего неделю, – напомнила она.

– А мне кажется, целую вечность. Я люблю вас, Астра, и теперь точно знаю, что люблю вас с первой нашей встречи. И как был бы

счастлив, если бы вы проявили хоть чуточку взаимности. Это совсем уж откровенное признание привело Астру в смятение. Она покраснела, опустила глаза и молча теребила поясок халата. Прежде у нее были увлечения, но по-настоящему ей еще никто не нравился. А этот высокий симпатичный парень с добрыми доверчивыми глазами как-то сразу завладел ее мыслями. Испугавшись своего нежданного и опасного чувства, Астра стала избегать встреч с Сергеем. Но, оказывается, и она ему небезразлична, и он сам говорит об этом! А вдруг его слова – пустое притворство? Но... голос его звучит так искренне...

Утром следующего дня Астру разбудило ликующее хоровое чириканье воробьев. Еще полусонная, она увидела на потолке солнечных зайчиков от воды в бочке за открытым окном, и вдруг вспомнила вчерашнее происшествие, и ее сердце сильно забилося в ожидании такого близкого, огромного, переполняющего счастья, ощущение которого бывает только в молодости и только один раз в жизни...

В то утро на тропинке среди облепихи Астра сама отдала свою руку Сергею.

Три недели пролетели, как один миг. Пора было возвращаться в Бишкек. Астра оставалась еще на неделю, и им предстояло расстаться.

За день до отъезда Сергей взял напрокат лодку и сильными короткими гребками отогнал ее далеко от берега. Здесь, на глубине, вода стала сине-зеленой. Склонившись с борта над бездной, Астра задумчиво чертила пальцами по быстро убегающим струям. Гладкую эмаль озера лишь кое-где покрывали дорожки серой ряби. В пустынной дали как мираж парил над водой косой треугольник паруса. «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом», – пришли на память знакомые строки. Сейчас они почему-то вызвали у нее грусть.

С отъездом Сергея время как будто замедлило свой бег. Астра больше не ходила на пляж и целыми днями читала в саду сохранившиеся с давних времен толстые московские журналы.

Однажды она затеяла генеральную уборку и начала с комнаты, в которой жил Сережа. В шкафу за стеклянной дверцей ей попались

несколько растрепанных детских книжек и старые игрушки, оставшиеся от погибшего малыша Бакыта. Медленно перебирая их, Астра с острой щемящей жалостью снова, как и тогда, на кладбище, переживала жестокую безвозвратность утраты. Она смотрела на эти дешевые фабричные поделки, которые когда-то были для маленького человечка целым миром и которых никогда больше не коснутся его руки, и слезы сами собой застилали ей глаза. Не в силах продолжать уборку, Астра легла лицом на подушку, сразу ставшую мокрой...

Они обычно встречались в маленьком кафе с красными пластмассовыми столиками под кронами деревьев. Сергей заказывал мороженое или бутылочку кока-колы. Мороженое быстро таяло, стекая на дно вазочки, но они не торопились съесть его, потихоньку вычерпывая ложечками и смакуя молочную жидкость. А когда наступали сумерки, они отправлялись в ближний парк или на широкий зеленый бульвар, который, наверное, был бы лучшим местом в городе, если бы не пересекался шумными улицами с потоками машин и смрадом выхлопных газов.

По вечерам здесь всегда было много гуляющей публики и все же влюбленным удавалось найти уединенную скамейку. Этих мгновений Сергей ждал с особым нетерпением, предвкушение их не оставляло его даже во время работы на факультетской кафедре, и он, торопя время, считал оставшиеся часы и минуты.

Близость Астры невероятно будоражила его, мучая и сжигая на адском огне не находящей полного удовлетворения страсти. Ее порывы усиливал аромат духов Астры – изысканный и тонкий. Так пахнут в маленькой комнате букетики зимней фрезии, лесных ландышей и фиалок. Эти духи он недавно подарил Астре в день ее рождения. Стараясь найти что-нибудь необычное, такое, чтобы сразу понравилось, Сергей побывал во многих бишкекских магазинах, но так и не сделал выбора. К счастью, его неожиданно командировали в Москву на научный симпозиум по востоковедению и там, наконец, повезло. В маленьком магазинчике шустрый старичок с плоской шапочкой на седых кудрях безошибочно определил в Северцеве непраздного

посетителя и, осведомившись, что желает молодой человек, выставил на прилавок красивую коробочку с силуэтом Нефертити. – Извольте взглянуть, – учтиво сказал он. – Французско-египетские духи из элитной коллекции. Поверьте старому еврею – это как раз то, что нужно вашей девушке. А чтобы не сомневались – вот вам пробничек. Потрясающий цветочный запах, не правда ли? Здесь лучшие ароматы Франции и экзотические благовония фараонов Египта.

Пробничек и хвалебная ода убедили Сергея настолько, что он без колебаний сделал покупку, стоимость которой намного облегчила его карман.

Астра приняла подарок с искренним удовольствием. Она не увлекалась косметикой, но духи были ее слабостью. Прихорашиваясь у зеркала перед свиданием, она быстро взбивала прическу, чуть-чуть оттеняла веки, подкрашивала губы, – и на все это требовалось не больше пяти минут. Зато на духи времени уходило вдвое больше. Астра маленькими каплями наносила их на определенные точки головы и бюста, потом, закрыв глаза, медленно вдыхала летучие запахи, чтобы определить, нет ли перебора.

Эти контактные запахи в одну сумасшедшую ночь привели Северцева в состояние, близкое к экстазу. Горячие ладони, становясь все дерзостнее, опасно сомкнулись на бедрах девушки. Она сжала его запястья и мягко, но с удивительной силой отвела тяжелые мужские руки к своим плечам. Потом припала к груди Сергея, и он долго, как ни пытался, не мог заглянуть ей в лицо, с тревогой думая, что обидел, и она, наверное, плачет. Астра действительно плакала, но это были слезы не обиды, а муки и мольбы о прощении за то, что не могла отдать любимому всю себя без остатка. Она тоже страдала, и ее пылкий темперамент требовал выхода, однако она лучше умела владеть собой. И Сергей понял ее. Это был их первый урок в трудной науке взаимопонимания. Но для Сергея этот урок имел гораздо большее значение, чем для Астры. Он окончательно утвердился в мысли о том, что пора сделать основательную ревизию противоречивому мужскому миропониманию, позволяющему уживаться вместе чувствам одухотворенным и низменным. Эгоистичное,

беспокойное, вечно ищущее, жаждущее неизведанного, разрушительное под властью темных инстинктов, но и созидательное мужское начало дало миру гениев, совершивших величайшие прорывы в постижении мира, и оно же породило кровавых злодеев и культ грубой силы с ее обязательной спутницей – жестокостью. Ее проявления заполняют экраны кинотеатров и телевизоров, привлекают юных подражателей-мальчишек, еще не познавших отвратительной сущности убийств, крови и грязи военных действий...

Человечество должно стать другим, лучшим, заключал свои грустные раздумья Северцев и всякий раз добавлял, что если уж этому суждено случиться, то начинать нужно с мужчин.

Конец августа выдался необычно жарким. Спасаясь от духоты и городской суеты, Сергей на отцовских «Жигулях» увез Астру в Аламединское ущелье, где их встретило яркое, незамутненное дымом солнце, а за каждым поворотом открывались манящие картины горных склонов. Слева несла чистые белопенные воды река, давшая свое имя ущелью. Незыяснимое чувство свободы и праздничности, которое овладевает людьми на лоне природы, привело влюбленных в веселое, беспечное настроение, они дурачились как дети.

Астра взобралась на огромный речной валун и пообещала показать высший класс восточного танца.

– О мой светлейший повелитель, что хотел бы увидеть ты? – спросила она с низким поклоном, изображая наложницу султана.

– Э-э... сначала посмотрим, насколько ты искусна в киргизском танце.

Стройные ножки, подчиняясь беззвучной музыке, заскользили по неровной поверхности камня так легко и невесомо, что, казалось, воспарили над ним. Гибкая, быстрая, как огонь, фигура в пестром купальнике то плыла, раскинув руки, то извивалась в глубоком пируэте...

За киргизским последовал темпераментный узбекский танец с его обворожительными движениями головой и лукавой игрой глаз, за ним – индийский, потом – арабский...

Меж тем настал час полуденного прилива талых вод. Шум потока

стал угрожающим, в него вплетались тяжкие утробные удары переворачиваемых течением камней. Река наступала на валун, оставляя все меньше сухого места для танцующей. Горбатая шершавая спина каменной глыбы стала скользкой, и Астра, не удержавшись, упала в реку. Все произошло так стремительно, что Сергей, не успев опомниться, потерял ее из виду. К счастью, его первая реакция оказалась правильной. Он вихрем сорвался с места, берегом обогнал течение, уносившее свою жертву, и одним прыжком настиг ее. Беспощадная стихия подхватила его, но Сергей успел коснуться ногами дна и, раз за разом отталкиваясь ими что было сил, ползком выбрался на берег, волоча на себе свою драгоценную ношу. От неимоверного напряжения его мышцы бугристо вздулись, по всему телу пробежала мелкая дрожь: из разбитого колена сочилась кровь.

Астра не подавала признаков жизни, глаза ее были закрыты. С окаменевшим лицом, не зная, что же теперь делать, Северцев, убыстряя шаги, донес ее до стоянки, безжалостно стряхнул с расстеленной на траве скатерти лепешки и виноград, и опустился на колени, чтобы положить девушку. В этот момент она вдруг открыла глаза и, обняв его за шею, сказала тоном капризного ребенка, не желающего слезать с папиных ручек:

– Уу, не хочу-у!

Эффект был полный. Ее спаситель, застыв в своей неудобной позе, с жалким видом судорожно глотал воздух и никак не мог прийти в себя. Смеясь от счастья и плача от пережитого потрясения, Астра начала целовать его так бурно, что оба, потеряв равновесие, свалились на землю. В следующий миг Сергей подхватил ее на руки и так закружил в неистовой дикой пляске, что ходуном заходили, закачались вершины и склоны гор, фиолетовое небо, кудрявые кусты... Никогда еще не было так хорошо, так покойно Астре, как сейчас на руках у любимого человека. Уткнувшись носом ему под мышку, она вслушивалась в наплывавшие неизвестно откуда, словно на волнах эфира, звуки чарующей мелодии, которые удивительным образом сочетались с реальным ревом реки и грубым блеянием спускавшихся со склона горы овец...

Потом они пили чай. Сергей заварил его в закопченном до

черноты чайнике по рецепту отца. В сырой прибрежной низинке нашел пышно разросшуюся мяту, на горном склоне – розетки чебреца, стебельки душицы и полусохшие желтые цветочки уже отцветшего зверобоя. Все это по веточке вместе с горстью начавших созревать плодов шиповника, барбариса и облепихи добавил к индийскому чаю и получился напиток, о котором Астра сказала, что ничего приятнее и душистее еще не пробовала.

За чаепитием она, слегка посмеиваясь над собой, рассказала о своей недавней учебе в Московском государственном университете. Поначалу ей, робкой провинциалке, все казалось чужим и пугающим, ошеломляли и грохот поездов метрополитена, и суeta громадных магазинов, и куда-то спешащие, неудержимо несущиеся по улицам и подземным переходам толпы людей. Но в общежитии и в аудиториях Астру окружали нормальные, приветливые люди, проявляющие к ней простое человеческое участие, и она скоро обвыкла, перестала дичиться. Провинциалка оказалась прилежной и способной ученицей, много читала, успешно сдавала экзамены и зачеты. С удовольствием участвовала в студенческих тусовках и вечеринках, любила театр, концертные залы и музеи. Но предметом особой привязанности был театр оперетты на Пушкинской улице. О, как мечтала она стать актрисой и блистать на подмостках этого знаменитого театра! Увы, мечты так и остались мечтами...

Слушая Астру, Сергей не мог не подивиться тому, как сильно она изменилась, совершив обычный переход от наивной беспечной юности к зрелой молодости. Теперь в ней все явственнее проступали черты утонченной, женственной интеллектуалки, самостоятельной, ценящей независимость, не разделяющей пережитки и трайбалистские традиции своей среды. Впрочем, ей одинаково были чужды и новые богемные замашки нарождающейся национальной буржуазии.

Покидая пределы Ала-Тоо, молодые люди остановились на предгорном изломе, за которым начинается пологий спуск в долину. Ранние сумерки размыли резкие краски дня, принарядив в ласковые пастельные тона исполинские пики в снежных шапках, которые величаво и равнодушно возвышались над копошащимся по всей долине человеческим муравейником с его бесконечными

заботами о хлебе насущном.

Обнявшись в последний раз перед въездом в город, Сергей и Астра вместе вспоминали все свои встречи, особенно ту, первую иссыккульскую, когда они постучали в маленькую дверь, за которой открылся беспредельный, как Вселенная, очарованный мир грез и любви.

Никому не дано заглянуть в Книгу судеб, и они не ведали, сколько им суждено идти вместе, ждут ли их впереди разочарования, но как и все дети Земли жили надеждой и верой в свое счастливое Провидение. И пока совсем не замечали коварства быстротекущего времени, так как были в той поре, когда ничего еще не поздно.

Прошло жаркое бишкекское лето, наступил благодатный сентябрь, а с ним приближался срок долгой разлуки. Сергею предстояла учеба в аспирантуре Московского архивно-исторического института. Он списался с двоюродной сестрой, у которой был свой домик на окраине Рязани, и попросил на время приютить его, так как устроиться с жильем в Москве пока не было возможности.

После возвращения с Иссык-Куля Астра несколько раз была в гостях у Сергея, познакомилась с его родителями и, кажется, понравилась им. Зато знакомство Сергея с Каныбеком – старшим братом Астры, в семье которого она жила, – оставило в душе девушки беспокойное, тревожное чувство. Преуспевающий бизнесмен, Каныбек присмотрел, как ему казалось, более выгодную, чем Сергей, партию для сестры и не одобрял ее выбора. Это обстоятельство Астра тщательно скрывала от Сергея, но показное радушие хозяев не ускользнуло от его внимания.

Хотя у Астры, работавшей в редакции одной из городских газет, и у Сергея в институте, где он преподавал историю, работы было невпроворот, они решили еще раз побывать на Иссык-Куле в начале октября перед отъездом Сергея в Москву.

И вот это время пришло. Северцев все на тех же отцовских «Жигулях» за четыре часа домчал до места.

Октябрь на Иссык-Куле – пора яблок и груш. Сельчане тоннами отправляют их в Ананьево оптовым скупщикам. Штабеля ящиков с

фруктами подготовил на продажу и Шайлоо. Восхитительный аромат их витал во всех комнатах. Сергей и Астра любовались наваленными горкой на столе красивыми, окрашенными в пурпур, багрянец и шафран, крупными плодами и с наслаждением вонзали зубы в их хрусткую мякоть.

Чтобы не обидеть родителей Астры, они только к вечеру отправились на озеро, свидание с которым стало их заветным желанием.

Сергей подъехал к полянке на берегу залива, укрытой с трех сторон кустами и камышом. Здесь, сидя на перевернутой дырявой плоскодонке, они встретили свою самую романтическую ночь.

Осеннее солнце рано спряталось за горами, но вечер был полетному теплый. Подсвеченное ущербной луной небо прозрачно синело над зубчатыми вершинами Кунгея. А на воде ночное светило расстелило себе длинную серебряную дорожку.

В этот вечер короткого бабьего лета природа щедро тешилась на своем последнем пиру. Мелкие волны лизали песок и причмокивали, захлебываясь в береговых вымоинках; на нерестовом мелководье с плеском выпрыгивали сиги; крикали утки, гоготали и хлопали крыльями гуси; едва различным светлым облачком на дальней темной воде угадывалась стая прилетевших сюда на зимовку лебедей.

Окажись одна на этом, как ей казалось, диком берегу, Астра, наверное, умерла бы от страха. А сейчас, рядом с Сергеем, она ничего не боялась.

Они говорили милую бессвязную чепуху, но каждый звук голоса был исполнен особым смыслом и складывался в стройную симфонию любви, а бережная нежность сплетенных рук дополняла ее и побуждала к новым ласкам. На губах и языке Астры Сергей чувствовал сладкий вкус и запах съеденных ими яблок и, задыхаясь, вбирал в себя, втягивал ее ответно открытые губы. Не выпив не капли вина, они испытывали такой восторг опьянения, какой бывает только от хорошего шампанского. Порой Астре казалось, что мощные упругие волны поднимают, несут и кружат ее высоко над землей. И вполне может быть, что в те часы, казавшиеся им одним мгновением, из своих космических чертогов на них ласково смотрел сам Всевышний и благославлял и

наполнял их трепещущие души божественной гармонией.

Время ушло за полночь. От озера повеяло зябкой сыростью, с дальних снежных круч Кунгея запоздало подул злой горняк – ночной бриз. В похолодевшем воздухе звезды, став ярче и крупнее, льдисто светили в запрокинутое лицо Астры, грели свои дрожащие лучики в теплой влаге ее черных зрачков и отражались искрами, а Сергей ловил и ловил их губами.

... Крепчайший бриз наконец загнал их в машину. В проулке у дома Шайлоо было теплее, и они снова задержались, не в силах расстаться. С веранды послышался голос матери:

– Давай, дочка, пора домой, – сказала она по-киргизски, обращаясь только к дочери, чтобы не обидеть ее спутника своим повелительным вмешательством.

* * *

Для Северцева началась новая жизнь. Каждый день приходилось вставать ни свет ни заря и четыре часа трястись до Москвы в холодной электричке, добирая недоспанные часы. Короткие дни с пронзительным ветром и сыростью угнетали его. Сергей отчаянно скучал по Астре и вспоминал каждый миг их последней иссык-кульской ночи. Они регулярно переписывались, но письма шли неделями и доносили лишь эхо бушевавших в них чувств. В доме у сестры не было телефона, и это сильно осложняло его жизнь, так как приходилось терять много времени на ожидание в переговорных пунктах, а свободного времени у Северцева почти не оставалось. Он прочитывал горы книг в московских библиотеках, накапливая библиографию и научный материал для диссертации, а по вечерам обрабатывал и систематизировал их. Сухие факты истории Центральной Азии, по которой специализировался Северцев, оживали, когда он вспоминал свое первое знакомство с древним Ошом и его главной достопримечательностью – священной горой, где жил пророк Сулейман на склоне которой построил свой уединенный домик известный на средневековом Востоке писатель и государственный деятель Бабур.

Воспоминания уносили молодого ученого и в Самарканд, где ему довелось увидеть потрясающее великолепие бирюзово-ребристого

купола усыпальницы Тимуридов Гур-эмир, кружевное плетение сочных цветных узоров настенных изразцов мечети Биби-ханым, строгую торжественность триады медресе Улугбека, Ширдор и Тилля-Кари на площади Регистан...

Эти памятники духовной культуры навевали мысли о нетленности и величии творений рук Мастеров обширного Мавераннахр. И, может быть, именно в Самарканде родилось это четверостишие великого Омара Хайяма, жившего здесь некоторое время:

«Возлюбленная, да будет жизнь твоя дольше моей печали!
Сегодня милость явила мне, как прежде, когда-то вначале.
Бросила взгляд на меня и ушла, как будто сказать хотела:
«Сделай добро и брось в поток, чтобы людям волны умчали».

Смысл этого четверостишия, подобно текстам Библии и Корана, постигается не сразу. Лишь после прочтения всего Хайяма и долгих размышлений над прочитанным, Сергею открылось ключевое значение слов: «...да будет жизнь твоя дольше моей печали!» Безмерная и смиренная печаль поэта и мыслителя сопровождала его всюду и причина ее в том, что он как никто другой до него осознал одновременно и величие духа, и необыкновенное совершенство человека, и обреченность его жизни. Но печаль Хайяма светла: он опять-таки как никто другой знал, что в краткой жизни Человека есть две величайшие ценности – Красота и Любовь. Красота женщины, Любовь мужчины и женщины. Они – единственное оправдание человеческой жизни и источник ее вечного возобновления.

И никакие мутации сознания и духа человека, одолеваемого жадой богатства, власти, почестей и славы, никогда не затмят животворящей силы любви, ее бескорыстной способности приносить добро. И не в этом ли смысл хайямовской аллегии: «Сделай добро и брось в поток, чтобы людям волны умчали»?

Но со времен Хайяма многое изменилось. И не зайдут ли слишком далеко, спрашивал себя Северцев, человеческие пороки в теперешнем мире, где самому существованию рода человеческого угрожают страшные болезни и разрушение среды его обитания? Где приходит в упадок культура, рвутся все связи, в домах пустеют

почтовые ящики? Где усиливающаяся нищета постыдно измельчает души и поступки людей, где любовь становится добычей нравственной коррозии и все чаще предметом торга?

Ему припомнился недавний странный случай.

У сестры был день рождения, с поздравлениями пришло несколько женщин. Одна из них, Галина, явно выделяла Сергея из числа присутствующих. Танцуя с ним, лукаво постреливала глазами, прижималась высокой грудью, а уходя попросила проводить до дома. Опираясь на его руку, Галина без умолку говорила, он же больше молчал и не очень внимательно слушал.

— А знаешь что, — вдруг сменила она тему, — вот ты подрабатываешь в Москве преподаванием. Наверное, будешь принимать у студентов зачеты и экзамены?

— Может быть, — ответил он, еще не догадываясь, куда клонит спутница.

— А ведь на этом можно неплохо зарабатывать. Пусть платят за хорошие оценки. С такими деньгами ты и мне мог бы кое-чем помогать... А я в долгу не останусь.

— Не понимаю, о чем это ты?

— О любви, дурашка!...

— Знаешь, у нас разные понятия... о любви тоже.

Больше они никогда не виделись.

К началу лета отпала необходимость каждый день ездить в Москву. Появилось больше свободного времени, и Северцев иногда отправлялся в окрестности Рязани, А однажды, сев в автобус, доехал до соседнего города Зарайска, что в Московской области. Здесь историческое прошлое вновь предстало перед ним в виде оборонительной стены на крутом склоне холма, разрушенной при осаде лихими ханскими всадниками.

Путешествуя по этим местам, Сергей не переставал любоваться мягкими линиями зеленых холмов, звенящих от птичьих голосов лесами, травостойными лугами и ромашковыми полянами, реками и речушками с красивыми названиями, тихими деревушками и великолепными храмами, с луковицами куполов на колокольнях, откуда мерный звук колокола призывает прихожан к заутрене. И как вольно дышалось ему в этих краях, пронзительно воспетых

другим Сережей, уроженцем Рязанской земли, с нежной как первый подснежник фамилией – Есенин. «Здесь, а не в больших городах, бьется истинное сердце России», – думал Северцев. Ей, прекрасной, несчастной и сказочно богатой, отдал он навсегда свою душу, но рвалась она в то же время в другие края – к Астре, к лазурному Иссык-Кулю, ставших его неразделимой любовью.

Журналистская жизнь Астры складывалась удачно. Ее статьи, репортажи, интервью отличались правдивостью, хорошим слогом, образностью и особым теплым отношением к тем, о ком она писала, умением увидеть внутренний добрый подтекст в поступках людей. Она без колебаний восставала против несправедливости и бросалась в защиту обиженных. Это нравилось читателям и вызывало благодарный отклик у героев ее корреспонденций. Перед ней открывались все двери и даже большие правительственные чиновники благоволили к ней. Она замечала, что вызывает симпатию у многих мужчин, ее деловое общение с ними часто шло вперемежку с галантными комплиментами. Астра принимала их спокойно, с чуть ироничной улыбкой и никому не оставляла надежды на успех. В числе ее наиболее стойких поклонников был приятель Каныбека – Азиз, молодой депутат парламента. Астра знала о нем, что он владелец нескольких столичных магазинов и что год назад оставил жену с ребенком.

В последнее время Азиз зачастил в гости к Каныбеку... Приезжал на новеньком «Мерседесе», с уверенной, важной неспешностью входил в дом. Для Астры у него в запасе всегда были небольшие презенты. Но знаки внимания этого нарядного щеголя довольно приятной наружности не были ей милы. Азиз это чувствовал, однако свои настойчивые ухаживания не прекращал.

Как-то вечером Каныбек, необычайно веселый и оживленный, сказал Астре:

– Ну что, сестренка, пора и тебе заводить семью. Чем вы с Азизом не достойная пара, а?

– Видно, ты за меня уже все решил, – прервала его Астра. – Но почему не спросил – хочу я Азиза или нет?

– Зря ты нервничаешь. Я его давно знаю, парень он хороший, не

чета этому Сергею, который хотел тебя окрутить... Небось, там, в Рязани, уже давно с другой живет!

– Думай, что говоришь!

– Думаю, думаю... Не забывай, кто такой Азиз, и про его большие связи в верхах – тоже. Они нам всегда пригодятся.

– Тебе, может, и пригодятся, а мне твой Азиз не нужен и замуж за него я не пойду!

Каныбек пришел в ярость.

– Вот как ты заговорила! Разучилась уважать старшего брата, про обычаи наших предков забыла! Но я научу тебя... Не захочешь добром, заставлю силой. Как миленькая уедешь с Азизом на его «Мерседесе»!..

Утром следующего дня Астра исчезла из дома.

Каныбек начал поиски, но скоро махнул рукой:

– Сама объявится, никуда не денется.

Через месяц приехал отец. Он сильно постарел и осунулся. В прихожей поцеловал внука, а Каныбеку руки не подал. Жесткий, хмурый взгляд его ничего хорошего не предвещал. Разговор вышел долгий и тяжелый. Под конец Шайлоо пригрозил Каныбеку, что если не разыщет Астру и не покается, родители никогда не переступят порога сыновьего дома.

Ультиматум возымел действие. Каныбек поставил на ноги всех своих знакомых. Астру нашли у одной ее старой подруги.

Она похудела как после тяжелой болезни, на бледном истончившемся лице остались одни огромные глаза. Зябко кутаясь в широкий, с чужого плеча, халат, Астра в упор, с отчаянной решимостью смотрела на брата и как загнанный в угол, испуганный котенок была готова изо всех своих силенок царапаться и кусаться.

Каныбек подавленно молчал, к горлу подкатил колючий комок. Боже, и это – его карындаш? Что с ней стало!.. Он вдруг вспомнил ее маленькой, когда тайком от матери удирали с ней на озеро. Тогда он никому не позволял обижать ее...

Каныбек, наконец, собрался с духом и сказал:

– Прости, сестренка. Я буду последним негодяем, если еще хоть когда-нибудь обижу тебя...

Скрываясь у подруги, Астра за целый месяц не написала Сергею ни одного письма, так как не хотела вмешивать его в свои небезопасные дела, а скрывать случившееся под бодрыми и лживыми словами не могла и не умела.

Но кое-какие вести все же дошли до встревоженного Сергея. Его однокашник по университету Тахир, с которым он изредка переписывался, намекнул об Азизе и его настойчивых ухаживаниях за Астрой. Северцев несколько раз перечитал письмо Тахира, чувствуя, как наливаются тяжестью руки и ноги. Ему показалось, что в комнате не хватает воздуха; он ушел из дома и потом не мог вспомнить, как оказался в лесу, брел, спотыкаясь о кочки, обдирая лицо и руки о ветки, не чувствуя свежего терпкого запаха влажной земли и грибов, собирать которые был умелец и страстный охотник.

У опушки леса на солнечном склоне пригорка Сергей вдруг увидел лису. Худая, с клочковатым рыже-палевым летним мехом, она дремала, свернувшись калачиком, и не почуяла приближения человека, так как ветер дул в его сторону. Северцев подошел совсем близко и тут под ногой хрустнула сухая веточка. Лиса пружинно вскочила и трусцой убежала в кусты лещины.

Это маленькое происшествие вернуло его к реальности. Он понял, в какую глухомань забрался и как сильно устал. Сергей прилег на траву и сразу уснул. Короткий сон вернул силы и волю к действию.

На следующий день он обежал всех, кого знал, занял у них понемножку денег и вместе со своими сбережениями набрал-таки нужную сумму.

Телеграмма Астре ушла за сутки до его вылета в Бишкек.

За окнами самолета на огромном пространстве растекалась багрово-красная река, захватывая и все дальше оттесняя сиреневую пограничную кайму неба – зрелище, какого никто не мог увидеть с земли, где уже сгущались сумерки и зажигались огни освещения. Северцев слышал, что такие закаты бывают предвестниками бури, и сердце его суеверно сжималось в тревожном ожидании встречи с любимой.

...В аэропорту «Манас» в распахнутый люк самолета заглянуло теплое южное утро. Спустившись по трапу, Сергей еще издали

увидел у входа в аэровокзал Астру и побежал ей навстречу.

Валентин МЕЛЬНИКОВ.

Рассказ включен автором в новую книгу «Знак скорпиона» (том первый) Neçaýalar